

«МЕСТА ПАМЯТИ» В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье автор рассматривает город как пространство, в котором представлены знаки коллективной памяти о важных событиях прошлого. Среди таких событий особое место занимают пережитые страной военные действия, которые накладывают свой отпечаток на несколько поколений и неизбежно отражаются в пространстве городов в виде памятников, названий улиц, и многого другого. В статье анализируются места памяти, связанные с Великой Отечественной войной и с войной в Афганистане.

Ключевые слова: коллективная память, городское пространство, военные памятники.

Коллективное «потребление» города проявляется в опыте изменения пространства, а также в символическом восприятии тех или иных городских мест. В данной статье мы предлагаем рассмотреть особенности использования городского пространства для передачи памяти о военных событиях прошлого. Наш анализ базируется на результатах коллективного проекта «Историческая память»¹ (интервью с воинами-афганцами, фокус-группы), на результатах исследований Конрадовой Н. и Рылевой А. о мемориалах Великой Отечественной войны², а также на тематических материалах интернет-пространства (новостные ленты, виртуальные фотоальбомы со снимками памятников)³.

Коллективная память как социальный феномен

Изучение коллективной памяти имеет сравнительно долгую историю в социальных науках. В последние десятилетия исследования памяти активизировались, стали переосмысляться класси-

ческие работы, появились фундаментальные тексты, отражающие современные социологические представления об индивидуальной и коллективной памяти. Одним из авторитетных авторов является М. Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» он акцентирует внимание на социально-коммуникативном характере воспоминаний, которые, по его мнению, не сохраняются в неизменном виде, а конструируются либо реконструируются в ходе социальных взаимодействий⁴. Таким образом, индивидуальная и коллективная память зачастую перетекают друг в друга, и даже для того, чтобы восстановить для себя сюжеты из личной биографии, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям.

Индивидуальная память может опираться на коллективную для уточнения какого-либо воспоминания или восполнения пробелов. «Обмен историями» и их последующая модификация производятся до тех пор, пока у всех членов группы не окажется примерно одинаковый набор схожих историй, базируемых на отдаленно схожих фундаментах личного опыта. Это происходит благодаря тому, что заимствованные воспоминания соответствуют фоновому эмоциональному ощущению индивида, связанному с тем событийным рядом, к которому относятся данные воспоминания. М. Хальбвакс выделяет два доступных индивиду типа памяти: сугубо личные переживания, даже если они в какой-то мере были разделены с другими индивидами, и безличные воспоминания, затрагивающие группу, к которой данный индивид принадлежит⁵. Коллективная память подчиняется собственным законам, и даже если в нее порой проникают некоторые индивидуальные воспоминания, они быстро видоизменяются, переставая быть сознанием личности. Она содержит не только даты и абстрактные определения (в таком случае она оставалась бы внешней по отношению к индивиду), но и определенные оценочные категории, а также эмоциональную составляющую. При этом неизбежны обновления и пополнения индивидуальных воспоминаний по мере вовлечения в те или иные группы.

Первоначально сцена из прошлого может казаться ясной и полной, не требующей никаких дополнительных разъяснений, но лишь до того момента, пока не встретится человек, ставший участником или свидетелем тех же событий, поскольку «совершенно невозможно, чтобы два человека, видевших один и тот же факт, рассказывая о нем некоторое время спустя, воспроизвели его одинаково»⁶. Погружаясь одновременно или по очереди в несколько разных групп, каждая из которых имеет свою коллективную память, индивид оказывается носителем воспоминаний о событиях, имеющих значение только для членов данной группы, и чем малочисленнее группа,

тем большее значение имеют для каждого ее члена коллективные воспоминания.

М. Хальбвакс обращает внимание на то, что реконструкция прошлого часто происходит с деформациями (забывание тех или иных событий, особенно травматичных, переписывание истории). В то же время он подчеркивает, что индивидуальные воспоминания подвержены исчезновению в случае, если они не актуализируются на постоянной основе. В случае же их включенности в социальные рамки памяти вероятность забывания значительно меньше, поскольку за их сохранность отвечают целые институты.

Механизм взаимного проникновения исторической и индивидуальной памяти зависит от масштаба исторического события. Если оно значительно, велик и шанс его отражения в индивидуальной памяти не только в качестве «фона», но и в виде неотъемлемой части биографии. К таким событиям, несомненно, относятся прошедшие войны.

Рамки памяти и места памяти

Как отмечает Хальбвакс, «запоминание и припоминание фактов обусловлено “рамками” и “ориентирами”, которые создаются обществом, в том числе и речью, представлениями о пространстве и времени»⁷. Понятие «рамки» в свою очередь является основным инструментом анализа социальной памяти, т. е. тех коллективных воспоминаний, которые фиксируются и передаются от одного члена общества к другому. На базе имеющегося мемориального фундамента каждый человек реконструирует свои воспоминания. При этом память, которая «застывает» в пространстве, является и ориентиром в социально значимых событиях, и продуктом отношений людей с местом обитания. Коллективная память имеет в арсенале реальные живые воспоминания (если речь идет о событиях недавнего прошлого), почерпнутые из неофициальных источников факты, мнения, не согласующиеся с официальными версиями, результаты собственных длительных размышлений людей относительно пережитых событий. Таким образом, создание памятных мест (мемориалы, особые места встреч) можно назвать способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое. При этом то, как представлен отрезок времени в визуальных образах, имеет важное значение для коллективной идентичности.

Важно отметить, что в процессе вспоминания всегда происходит взаимовлияние индивидов друг на друга: память окружающих побуждает, подталкивает к активизации собственной памяти, служит для нее опорой. Пребывая большую часть времени в бессознательном виде, воспоминания вновь становятся сознательными лишь при

поступлении импульса «вспомнить все». Рамки памяти, о которых идет речь в одноименной работе Хальбвакса, есть «результат, сумма, сочетание индивидуальных воспоминаний множества членов данного общества»⁸, которые помогают классифицировать памятные сюжеты. Исчезая или трансформируясь, рамки памяти влекут за собой аналогичные процессы, происходящие с нашими воспоминаниями. Хальбвакс выделяет два типа связи рамок памяти и воспоминаний: первый – по аналогии с рамой картины и помещенного в нее холста, второй – тождественность природы рамки и вспоминаемого события, когда события являются сутью воспоминания, а рамка, в свою очередь, состоит из воспоминаний. Во втором случае воспоминания являются более устойчивыми, всегда легко дифференцируются, и их удобно использовать для реконструкции других воспоминаний. Хальбвакс описывает процесс вызывания воспоминаний как мысленное перебирание разных периодов времени (как пустых рамок), и постепенное углубление в прошлое, начиная с определенного года, затем месяца и дня. Подобная локализация воспоминаний способствует проявлению и узнаванию совершенно неожиданных сюжетов, это размышление, уже заключающее в себе какие-то идеи, помогающие в дальнейшем процессе меморизации. Рамки, позволяющие реконструировать прошлое, являются общими для членов одной группы, обладающих схожими воспоминаниями.

*Контексты создания памятников
и функционирование памятников*

В работе «Проблематика мест памяти» П. Нора заявляет о прекращении существования памяти и объясняет растущий интерес к местам памяти попыткой сгладить ощущение разорванной памяти⁹. Места памяти (музеи, архивы, монументы, коллекции), по мнению Норы, существуют лишь потому, что память социальных групп перестала воспроизводиться так, как раньше. Охраняя свидетельства о прошлом, места памяти призваны поддерживать существование общества. Эти «точки опоры» несут в себе материальный, символический и функциональный смыслы. При этом, по мнению П. Норы, память о военных действиях конструируется (и реконструируется) наиболее активно, поскольку всегда мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события.

По данным ВЦИОМ¹⁰, большинство россиян воспринимает события Великой Отечественной эмоционально, возражая против демонтажа памятников воинам Красной армии в странах бывшего СССР (83% опрошенных). Очевидно, что эти памятники воспринимаются как «точки опоры» для идентичности прошлого

великой страны, для сохранения той версии истории, которая не искажена переписыванием. При этом неудивительно, что чем старше россияне, тем чаще они воспринимают идею демонтажа памятников воинам Красной армии негативно (87% респондентов старше 60 лет). Материальное положение в некоторой степени влияет на озабоченность проблемой памятников: негативно относятся к сносу памятников 87% малообеспеченных и только 71% обеспеченных граждан.

Отметим, что само материальное и символическое конструирование памятников, посвященных военному прошлому, контекстуально связано с целым рядом внешних факторов, таких как текущие культурные предпочтения, идеологические и политические аспекты и т. д. Можно сказать, что «память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы»¹¹. При этом постепенно вырабатывается определенный «канон» увековечивания трагических событий. Так, по данным ВЦИОМ, для большинства россиян главными символами памяти о Великой Отечественной войне являются: скульптура «Родина-мать зовет!» в Волгограде, мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, памятник воину-освободителю в Берлине и памятник советскому солдату-освободителю в Болгарии «Алеша»¹². Очевидно, что данные контексты «освобождения» и «спасения» неприменимы к афганской войне, поскольку речь идет о меморизации негероического военного конфликта. Поэтому неудивительно, что в ходе интервью с ветеранами-афганцами упоминания об афганских памятниках были единичными и, как правило, вне связи с их «использованием», то есть безличными: «Ну у нас был там в Орехово-Борисово памятник. Сейчас в школу перенесли», «В общем-то, у меня как-то душа не щемит. Вот у меня щемит, когда День Победы, это самый праздник» (материалы проекта «Историческая память»).

Характерно, что в фокус-группе с поколением 18-летних при обсуждении первых спонтанных представлений об афганской войне было упомянуто о заброшенности памятников: «Когда звучит вообще словосочетание “афганская война”, первое, что приходит в голову – это, во-первых, заброшенные памятники, неухоженные, солдатам, которые погибли в Афганистане». Примечательно, что это увязывается с необходимостью организованного забвения неудачных военных действий: «Государство после того как закончилась эта война, пытается как-то, не знаю, похоронить наши какие-то знания и воспоминания об этой войне, потому что как-то негативно нами воспринимается, потому что она была проиграна, потому что мы не добились в ней успеха и потеряли очень много людей» (материалы проекта «Историческая память»).

Собираясь вместе и обсуждая события, пережитые всеми собеседниками, участники коммуникации конструируют общую коллективную память из отдельных индивидуальных «памятей», порой неосознанно трансформируя свои воспоминания. С одной стороны, восстановленная картина прошлого может синхронизировать воспоминания с реальными событиями. Но воссозданный образ одновременно становится неточным и неполным, поскольку может происходить сглаживание (или драматизация) неприятных сюжетов и дополнение новых черт, не замечавшихся прежде. По нашему мнению, ситуация с афганцами весьма схожа с тем, что описывает М. Хальбвакс: они «... ощущают свою непричастность к происходящему в обществе, порой даже ненужность, а потому не находят для себя иного призвания, чем воссоздание прошлого с задействованием всех тех средств, которыми они располагали и ранее, но не имели времени или желания их использовать»¹³. В данном случае приходится говорить о том, что воспроизводство «афганской» идентичности носит непоследовательный характер, причем воспроизводством занимаются в основном те, кто прошел войну с наименьшими для себя потерями («Если он там играючи все это делал, а кто-то, наоборот, там на этом сделал карьеру, то есть он рассказывает, он переживал, да, а его все слушают, он поднимается, поднимается по лестнице» (материалы проекта «Историческая память»). Таким образом, мы находим подтверждение тезиса П. Норы о том, что функциональная составляющая мест памяти (в данном случае ассоциаций ветеранов афганской войны) связанных с поддержанием нетипичного опыта, исчезает вместе с пережившими его людьми и не находит преемственности среди младшего поколения.

Говоря о памятниках, посвященных Великой Отечественной и афганской войнам, мы попробуем выделить такие важные характеристики, как *используемая символика* (общее и особенное в ней), *функционирование памятников* в пространственно-временных координатах города («использование» их как мест для встреч, борьба за снос/перенос памятников, вандализм и т. д.), *активные периоды установки памятников* (есть ли такие периоды и с чем они связаны).

По данным Конрадовой и Рылевой, наиболее активными периодами установки памятников участником Великой Отечественной войны и создания музеев были юбилеи победы, в результате «хотя бы один монумент стоит в каждой деревне, из которых люди уходили на фронт, не говоря уже о мелких городах или районных центрах, где их бывает по несколько»¹⁴. К числу ключевых функций меморизации событий Великой Отечественной войны данные авторы относят обозначение общественного согласия по поводу оценки события или

человека, трансляцию актуальных смыслов, подтверждение исторической идентичности и коллективности переживания, в том числе и в визуальной форме. Выделяя периоды 1940-х, 1960-х и 1980-х годов как показательные для практик меморизации, Конрадова и Рылева отмечают смену тенденций в используемой символике и внешнем виде памятников. Так, в первые годы войны и сразу после ее окончания ставились простые стелы с именами погибших, чуть позже появляется образ солдата с опущенной винтовкой. В 1960-е годы появились монументальные тенденции: стали ставить большие памятники, мемориалы, мемориальные комплексы, причем «постепенно отдельные изобразительные типы и составляющие памятника складываются в узнаваемый, стандартный мемориальный “тезаурус”; в скульптуре и архитектуре, поэзии, музыке, литературе и изобразительном искусстве оформляется канон изображения и трактовки солдатского подвига, человеческой жертвы и победы советской идеологии»¹⁵. Это образы солдата-защитника, женщины-матери, вечного огня. Наконец, в 1980-е и 1990-е годы начали достраиваться новые элементы к уже существующим памятникам, а новые памятники уже не статичны, они отражают драматические эмоции.

Какой-либо периодизации в установке «афганских» памятников нами не обнаружено. Памятники ставили и в предыдущие два десятилетия, и сейчас: «Недавно сделали памятник очень такой хороший, очень такой приличный... стоит с автоматом. Вот недавно его открыли, по-моему, в прошлом или позапрошлом году». Периодически в новостных лентах появляются сообщения об утрате «афганских» памятников: украден, разбит вандалами, нуждается в реставрации, перенесен и даже «отправлен в металлолом».

Проведенный нами анализ фотоматериалов показывает, что в архитектурном облике «афганских» памятников чаще всего используются традиционные для военных мемориалов символические элементы: образы военного братства, скорбящей матери, вечный огонь, отчеканенные списки с именами погибших. То есть мы можем обнаружить преемственность с практиками меморизации Великой Отечественной войны. Кроме «общевоеенных» образов, иногда используются и афганские детали, такие как танк камуфляжной раскраски, черный тюльпан в стилизованном или реальном виде. Отдельная тенденция – использование религиозных сюжетов в афганских мемориалах (маковки православных церквей, колокола, кресты).

Таким образом, во множестве различных «коллективных памятней» память об афганской войне не занимает устойчивой позиции, в то время как память о Великой Отечественной войне достаточно однородна. Мы можем наблюдать противоречивую картину материализованных проявлений коллективной памяти об афганской войне.

А.В. Стрельникова

Символическое значение мест памяти об афганской войне имеет закрытый характер, то есть не поддается расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта. Что касается мест памяти о Великой Отечественной войне, то здесь, напротив, наблюдается «уплотнение» памяти, которая занимает центральное место в сегодняшнем российском представлении о собственной истории и остается массовой и непротиворечивой для большинства социальных групп.

Примечания

- ¹ Российско-польский проект «Историческая память как инструмент социализации и идентификации: сравнение России и Польши», осуществленный по Программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», код проекта 2.2.1.1/14244, рук. проекта д-р социол. наук В.В. Семенова.
- ² *Конрадова Н., Рылева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 241–261.
- ³ Фотоальбом. Памятники афганской войны [Электронный ресурс] // ПВ Афган. URL: http://talykan.p0.ru/photo/pamjatniki_afganskoj_vojny/16 (дата обращения: 23.09.2011).
- ⁴ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 323.
- ⁵ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 22.09.2010).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 68.
- ⁸ Там же. С. 29.
- ⁹ *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 20.
- ¹⁰ Нужны ли памятники воинам Красной армии на территории бывшего СССР? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13471> (дата обращения: 02.08.2011).
- ¹¹ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 180.
- ¹² *Тараканова Т.* Символы Великой Победы [Электронный ресурс] // Российская газета. Южный федеральный округ. 2010. № 5165 (86). URL: <http://www.rg.ru/2010/04/22/reg-jugrossii/opros.html> (дата обращения: 03.04.2011).
- ¹³ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 120.
- ¹⁴ *Конрадова Н., Рылева А.* Указ. соч. С. 255.
- ¹⁵ Там же.